

*Маргарита**Черётко*

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ТЕНИ

Поэма в трёх частях

1

Я снайпер. Война отзвучала,
И это – забыто давно.
Лишь тени приходят ночами,
Те тридцать, убитые мной.

Их тридцать, надменных и гордых,
Неслышно скользящих теней,
Наследий бывшего рекорда
И славы военной моей.

По дому, где лифты уснули,
Они совершают полет.
И каждый блестящую пулю
На плоской ладони несет.

Заслышавши шорох у двери,
Привычно навстречу встаю:
– Ну что ж, начинайте скорее
Знакомую песню свою.

От вас лишь одно и услышишь,
Одним вы стенаньем полны:
Мол, вот, ты смеешься и дышишь,
А мы не вернулись с войны.

И тени согласно кивают,
И слышится шорох сквозь тьму:
– Тебя до сих пор обнимают,
А нас не обнять никому.

Ты всё начинала сначала,
Но снова есть дом и семья.
А нас навсегда повенчала
Со смертью винтовка твоя.

И ты улыбаться не смеешь,
Не сыщешь забвенья во сне.
Скажи, что ты горько жалеешь
О муке своей и вине!

– Над гибельной жизнью моею
Не властны ни пряник, ни плетть.
И я ни о чем не жалею,
Мне не о чем в прошлом жалеть.

За всё нам придется ответить,
Но хватит ли крови моей,
Чтоб тридцать надгробий отметить
И тридцать рассеять теней?

Я знаю,
Та древняя злоба,
Раздоров и распрей сестра,
Клубится из дыма бывшего
От Каинова костра.

Двойным восприятием боли
Мы «я» – отделяем от «он»,
И этой безумной неволи
Никто на земле не лишен.

Угрюмы, бледны и бесплотны,
Застыли вы в скорбной мольбе.

Но помню вас, жадных и потных,
Таивших угрозу в себе!

И старая ярость вскипает,
И ищет оружия рука!
Поспешно они отступают,
Друг друга в дверях растолкав.

2

Они возвращаются снова,
Я слышу за дверью шаги.
Они только тени былого,
Но всё-таки это враги.

Готовая снова к отпору,
Навстречу встаю, как всегда.
Но их в полутьме коридора
Узнать можно не без труда.

Да, это они!
Но иные –
Их время задело крылом,
Набросив черты возрастные
На лиц необычный излом.

Невольно назад отступая,
Даю им возможность присесть.
Теперь атмосфера другая –
Основа к общению есть.

Я им уступаю начало
Открыть роковой разговор.
– Мы видим, что ты нас узнала,
И ты изменилась с тех пор.

Не только почтенные лица,
Не только висков серебро –
Могли мы душой измениться
И зло заменить на добро.

Раскаянием и покаянием
Загладив былые дела,
Уйти от греха и отчаяния, –
Ты это у нас отняла.

И ты улыбаться не смеешь,
Не сыщешь забвенья во сне.

Скажи, что ты горько жалеешь
О муке своей и вине!

– Над гибельной жизнью моею
Пролилась дождей пелена.
И я ни о чем не жалею,
Всё дальше уходит война.

Есть звёздный сентябрь человека,
Когда, никуда не спеша,
Пронзительной мудрости века
Касается тихо душа.

Нас кони из юности мчали.
Обвиты её суетой,
Мы знать не могли и не знали,
Что ждёт нас за этой чертой.

Но то, что за нею открылось,
Чудесней, чем юности дар,
Дано – как Господня милость,
Как истины вечный нектар,

Вода из святого колодца,
Что свет отделяет от тьмы.
Не каждому это даётся,
И это решаем не мы.

Один, кто до зрелости дожил,
Открыл для себя этот свет.
Другой – своё зло лишь умножил
В тот бонус добавленных лет.

Поймите же, скорбные тени,
Не я продлеваю те дни!
И руки сложив на коленях,
Безмолвно внимают они.

Баюкают голоса звуки,
Плету я словесную сеть,
И лишь на набухшие руки
Стараюсь пореже глядеть.

И всё здесь стремлением дышит
Найти на вопросы ответ.
Они исчезают неслышно:
Вот были... а вот уже нет.

3

За окнами тень отступает,
И шины активней шуршат.
Конечно, ещё не светает,
Но жаждет рассвета душа.

Бегут потолочные пятна
В игре световой полосы.
За дверью – лишь гомон невнятный
Да шлёпанье ножек босых.

Приход тот предчувствую – третий,
Ни в силах унять свою дрожь.
Распахнута дверь.
Это – дети.
На взрослого каждый похож.

На взрослых тех, мною убитых,
Как детский альбомный портрет,
Как синтез их черт незабытых,
Которому имени нет.

И – в каждом из лиц – узнавая,
С чего начинался их путь,
Стою я у самого края,
И некуда дальше шагнуть.

Ладонями чувствуя край тот,
Стою, прислонившись к стене.
– Ну что ж, говорю, начинайте!
Тяните ручонки ко мне.

Кричите,
Что я вас убила,
И я вам отвечу тотчас,
Что это убийством лишь было
Того, что создали из вас.

Все дети чисты и невинны,
Но если бы не было их,
То скрежет военной машины
Давно б в этом мире затих.

Раскаты небесного грома
Гудят над моей головой.
И нет запрещённой приёма,
Чем этот портрет групповой!

Легла тишина гробовая,
Как речи закончила тем,
Стою я у самого края
И молча смотрю на детей.

Глаза широко раскрывая,
Они прерывают ту тишь.
– А мы, говорят, и не знаем,
Про что ты сейчас говоришь.

Не знаем, что станет с нами,
И что нашу жизнь перервёт,
И чьими мы будем врагами,
Не можем мы знать наперёд.

Нам мало пока что известно,
Ещё не настала пора.
Мы в мир лишь вошли.
Он чудесный.
Он полон цветов и добра.

Нам трудно сказать «это было» –
Всё только готовится быть.
Вот ты говоришь – ты убила.
А что это значит – убить?

Как лезвие острое, фраза
Вспорола рассветную высь.
И вдруг все три облика сразу
Трилистником странным сплелись.

Подобно чудовищной кисти,
В рассветной сырой полумгле
Кольшется этот трлистник,
Качаясь на гибком стебле,

И лица теней осыпает
Цепочкой незвонких колец.
И ночь наконец отступает.
Всему ведь приходит конец.

И тени дрожат...
И скудеют...
Сливаются с гладью стены.
И поздний рассвет холодеет,
Как серые латы войны.

АВГУСТ

Больничной белизной
 сверкает в море парус,
 Халаты облаков
 плывут за ним вослед.
 О, как внезапен ты,
 ты, незабвенный август,
 Когда в единый миг
 сомкнулись тьма и свет.

На уровне у глаз
 стоят миры иные,
 Откуда ни один
 обратно не пришёл,
 И повторяю я
 сквозь иглы ледяные:
 – Всё будет хорошо!
 Всё будет хорошо!

Покинув дивный мир
 восторгов и оваций,
 Душа, ты не щадишь
 свой крыльев нежный шёлк,
 И бьёшься мотыльком
 в стекло реанимаций:
 – Я здесь, любовь моя!
 Всё будет хорошо.

И взгляды, и слова,
 и мысли, и поступки
 Утратили свой смысл
 и стёрты в порошок,
 Когда струится жизнь
 вдоль пластиковой трубки.
 О жизнь, продлись,
 продлись!
 Всё будет хорошо.

Дар жизни удержать
 стремясь от время оно,
 В молитвах и мольбе
 неистов род людской.
 И разомкнулась пасть
 всесильного дракона.
 Нам из больничных стен
 позволено домой.

Да, дом наш не дворец,
 но всё же не палата,
 Он двери распахнул,
 и сон в него вошёл.
 Храните нас во сне,
 домашние пенаты!
 Мы оба отдохнём.
 Всё будет хорошо.
 5 августа, 2002

* * *

Моя свекровь меня любила.
 И это очень странно было –
 Так не бывает никогда.
 А если даже и бывает,
 Как громом гром поражает
 Или в июле холода.

Она, зажмурившись счастливо,
 Моей касалась буйной гривы
 И говорила: «Всё сбылось!
 Я так всегда хотела дочку,
 Таковую же, как ты, вот точно –
 С копной каштановых волос».

Я улыбалась неумело,
 И меньше, чем хотела, ела,
 Заботой в тайне тяготясь,
 А восхищенье укрывало
 Меня волшебным покрывалом,
 Черты чужого идеала
 Во мне ожили, воплотясь.

Мой муж мне улыбался мало,
 А мама – та журить устала
 За то, за сё, за ничего.
 Отец со мной был ласков боле,
 Но я ещё училась в школе,
 Когда не стало вдруг его.

Умом я трезво понимала,
 Что просто обожанья – мало.
 Что это, в сущности, мираж,
 Что те, которые журили,
 Не менее меня любили,
 Что обожанье – в том же стиле,
 Что и докучный персонаж.

Но так хотелось быть любимой!
 Единственной, неповторимой
 Ещё какой-то там и – мимо
 рассудка доводы лились,
 В любовь, как в пену, погружаясь,
 В стекле волшебном отражаясь,
 Своей короне поражаясь,
 Душою устремляясь ввысь.

Мой брак недолго продолжался.
 Псевдосемейный круг распался.
 А письма – годы! шли и шли.
 Любовь и нежность длилась, длилась,
 Пока рука с пером не скрылась
 Под мягкой ветошью земли.

О, чудо нашего пристрастья!
 Оно одно дарует счастье.
 Объект – тут словно ни при чём.
 Сквозь нашу проступает кожу
 Твой вечный замысел, о Боже,
 Нами не познанный ещё.

2012

СЕРОГЛАЗАЯ КОРОЛЕВА, ИЛИ ЧЁРНЫЙ ШАРФ

Слава тебе, безысходная боль!
 Умер вчера сероглазый король.

Анна Ахматова

Ходит смерть за мною по пятам,
 Зорко смотрит серыми глазами.
 Я её встречаю тут и там
 В уличной толпе и привокзальной.

В серых глаз гранит её смотрю,
 Взгляд не отводя и не мигая,
 И, собравшись с духом, говорю:
 – Что же ты не страшная такая?

Даже я, наверное, страшней,
 Если в гневе иль в пылу задорном,
 Молнией меж света и теней.
 Ты же – просто леди в шарфе чёрном.

– Понимаю, – говорит она. –
 Нападенье – лучшая защита.
 Но чтоб трепет тот унять сполна,
 Злость нужна другого габарита.

Видела таких отпетых я,
 Коим не страшны ни меч, ни плаха.
 Но финал свершают бытия
 И они, пусть даже не от страха.

В наступившей тишине слышней
 Улицы, гудки и перезвоны.
 Устыдившись резкости своей,
 Не хочу казаться защищённой.

Ни к чему мне крепкая броня,
 Все рубеж тот перейдут впервые.
 Говорю я ей:
 – Прости меня.
 Трудно жить, мы все сейчас такие.

– Понимаю, – говорит она. –
 Этой сказкой кто себя не тешит?
 Разве легче были времена,
 Когда был распят Кто вас утешит?

Испытаньем полон век любой.
 Те, кто в нём, страдают – пока живы.
 Но сегодня я не за тобой,
 Ты ещё своё не завершила.

Знаю я, какой ты встречи ждёшь,
 Слушая не ангельское пение.
 Успокойся, ты к нему придёшь,
 Если искус выдержишь терпенья.

Шелестят неспешные слова.
 В двух шагах шуршат автомобили.
 Влажно изумрудная листва
 Серою становится от пыли.

Тщится дождь её струями смыть,
 Словно струнами небесной арфы,
 Длинными, как нити бахромы
 Чёрного причудливого шарфа.

2019

ВОЛОНТЁРЫ

Разрывают полночь звонки –
Кто-то в горе или обиде.
И бездомные все зверьки
Мчат навстречу, меня завидя.

Отчего же всё это – мне?
Почему меня выбирают?
По колючей иду стерне,
А не тропам земного рая.

Для чего мне этот хомут?
Только вот сегодня, как прежде,
Столько глаз, что чего-то ждут
И глядят на меня с надеждой.

Обмануть её не могу.
Облегчить эту ношу не чаю.
По колючей стерне бегу,
Своей боли не замечая.

Свет земной, обличённый в слова –
Белый Свет,
Свет Старый, Свет Новый, –
Из какого, скажи, естества
Они слиты, твои основы?

Из лучей, что струит эфир,
Иль из рога и из железа,
И как редко приходят в мир
Мать Мария
И мать Тереза.

И тогда волонтёрства мои
И служенья добру наследьем
Принимаем на плечи свои
Мы, не созданные для милосердия.

Знаем, что грешны и слабы,
Но коль свыше дана отвага –
Не желаний своих рабы,
А простые трудники блага.

Завещала мне моя мать,
Закрывая земные двери,
Всё живое вокруг охранять
И во всё хорошее верить.

Боже Праведный,
Мир – это цех,
Где работа отнюдь не уныла.
А любви моей хватит на всех –
Вот только бы жизни хватило.

2019

г. Уральск

